

карів потребує системного підходу. У цьому зв'язку пропонуємо створення на базі провідних кафедр філософії та біоетики спеціального центру з біоетики для обміну досвідом, обговорення актуальних проблем викладання біоетики. Важливим кроком для підготовки викладачів-біоетиків можуть стати створення шифру спеціальності «біоетика» та відкриття аспірантури з біоетики у системі вищої медичної освіти.

Ключові слова: етика, біоетика, викладання філософії, післядипломна освіта, післядипломна медична освіта.

ЛІТЕРАТУРА

1. Кулиниченко В. Л. Современная медицина: трансформация парадигм теории и практики: (Филос.-методол. анализ). Київ: Центр практичної філософії, 2001. 240 с.
2. Кулиниченко В. Л. Творческое наследие. Избранные статьи. Киев, 2015. 96 с.
3. Організація та проведення етичної експертизи біомедичних досліджень: метод. рекомендації / за ред. С. В. Пустовит, В. Л. Кулініченка. Київ: Сфера, 2006. 120 с.
4. Пустовит С. В. Глобальная биоэтика: становление теории и практики (философский анализ). Киев: Арктур-А, 2009. 324 с.
5. Бойченко М. І. Системний підхід у соціальному пізнанні: ціннісний і функціональний аспекти: монографія. Київ: Промінь, 2011. 320 с.
6. Бойченко М. І. Філософське осмислення умов здійснення післядипломної освіти. *Гілея: науковий вісник: збірник наукових праць*. Київ: ВІР УАН, 2013. Вип. 69 (№ 2). С. 587–591.
7. Бойченко Н. М. Особливості методологічного використання головних принципів філософії освіти в процесі післядипломної педагогічної освіти. *Розвиток післядипломної педагогічної освіти в Україні: стан, проблеми, перспективи*: матеріали Всеукр. наук.-практ. конф., м. Дніпропетровськ, 26–27 березня 2008 р. Дніпропетровськ: Інновація, 2008. С. 128–135.
8. Бойченко Н. М. Сучасний університет: ціннісно-етичний вимір: монографія. Київ: Промінь, 2015. 296 с.
9. Merton R. K. The ambivalence of scientists. *Sociological Ambivalence and other Essays* / ed. by R. K. Merton. New York: The Free Press, 1976. P. 56–64.
10. Macfarlane V. Teaching with Integrity: The Ethics of Higher Education Practice. London, New York: Routledge Falmer, 2004. 184 p.
11. Ясперс К. Духовная ситуация времени. *Смысл и значение истории* / пер. с нем. Москва: Республика, 1991. С. 288–418.
12. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
13. Програма «Основи біоетики та біобезпеки» для вищих медичних закладів освіти України III–IV рівнів акредитації для спеціальностей «Лікувальна справа» 7.12010001, «Педіатрія» 7.12010002, «Медико-профілактична справа» 7.12010003. Київ, 2011. 19 с.
14. Состояние преподавания биоэтики в системе медицинского образования в государствах — участниках СНГ. Аналитический обзор. Санкт-Петербург: Изд-во НИИЭМ им. Пастера, 2010. 80 с.
15. Базовая учебная программа ЮНЕСКО по биоэтике. URL: http://www.unesco.org/new/ru/moscow/about-this-office/single-view/news/unesco_bioethics_core_curriculum_is_now_available_in_russian/
16. Маер-Абіх К. М. Повстання на захист природи. Від довкілля до спільного світу / ред., пер. з нім. А. М. Ермоленко. Київ: Лібра, 2004. 196 с.

Надійшла до редакції 28.02.2018

Рецензент д-р філос. наук, проф. В. Б. Ханжи,
дата рецензії 01.03.2018

УДК 616.89-008.442:17.036.1:791.226:001.8

И. Г. Утюж, д-р филос. наук, проф.,

А. Д. Городокин

КОНЦЕПТУАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСТАНЦИРОВАННОГО ЭРОТИЗМА. МЕДИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Запорожский государственный медицинский университет, Запорожье, Украина

УДК 616.89-008.442:17.036.1:791.226:001.8

И. Г. Утюж, А. Д. Городокин

КОНЦЕПТУАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСТАНЦИРОВАННОГО ЭРОТИЗМА. МЕДИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Запорожский государственный медицинский университет, Запорожье, Украина

Цель исследования — стилистический анализ интернет-контента, содержащего сексуальные стимулы и установления мотивационной структуры отклоняющихся форм сексуального поведения в ракурсе медико-философской антропологии. В исследовании установлены тенденции трансформации стилистики порнографических видеоматериалов профессионального производства: смещение акцента с эстетико-эмотивной составляющей коитуса на демонстрацию его анатомо-физиологических по-

дробностей; ослабление роли обозначения контекста и эмоциональной коннотации сексуального поведения; разделение гендерных проявлений сексуальности, нивелирование принципиальности соответствия пола и роли, отправляемой в рамках сексуального поведения.

Проведен анализ и систематизация механизмов потенцирования сексуального стимула, установлены их специфические типы: апелляция к опыту, фрустрация, табу-парадокс, био-парадокс.

Ключевые слова: сексуальность, порнография, коммуникация, гедонизм.

UDC 616.89-008.442:17.036.1:791.226:001.8

I. G. Utyuzh, A. D. Gorodokin

CONCEPTUAL AND STYLISTIC ANALYSIS OF DISTANCED EROTICISM.

MEDICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

Zaporozhye State Medical University, Zaporozhye, Ukraine

The aim of a study — stylistic analysis of sexual stimuli containing Internet content and establishing the motivational structure of deviant forms of sexual behavior in the foreshortening of medical-philosophical anthropology.

Results. The study found a tendency to transform the style of pornographic professional video production: shifting the emphasis from the aesthetic-emotional component of coitus to demonstrating its anatomical and physiological details; weakening the role of the designation of the context and the emotional connotation of sexual behavior; the separation of gender manifestations of sexuality, the leveling of the principle of gender roles within the framework of sexual behavior.

Conclusions. The analysis and systematization of mechanisms of sexual stimulus potentiation have been carried out, their specific types have been established: experience-appellation, frustration, taboo-paradox, bio-paradox.

Key words: sexuality, pornography, communication, hedonism.

Вступление

Контемпоральный социум (разнородны его дефиниции и номинации: и постиндустриальный, и постмодерный, и общество потребления и т. д.) демонстрирует, что у человека есть все, но нет самого главного — определенного смысла жизни. И поэтому методологически мы находимся в осознании экзистенциального коллапса, что уводит в совершенно другую грань реальности: где духовное уступает телесному, реальность, которая уводит от слова к телу. Происходит инверсия социо-гуманитарной парадигмы — переход от логоцентризма к саркоцентризму. В этих условиях возникновение интегративного, трансдисциплинарного, мультидисциплинарного знания о человеке и является методологической основой познания его целостной природы. Данный охват методологических проблем можно определить понятием «интегративная антропология», которая включает в себя круг вопросов от изучения соматопсихического единства человека до познания социокультурной целостности личности и ее окружения в виде системы социальных и культурных влияний. Интегративность не является чем-то навязанным извне, поскольку она имманентно присуща любой сфере знаний и является той важной особенностью любой научной основы, которая позволяет исследователю презентовать целостное исследование проблемы. Так в ситуации и с нашей статьей, где философия и медицина ищут ответы на сложные вопросы мутации, трансформации природы человека, в маргинальных ее формах, условиях «обилия абсолютной свободы».

Мы бы хотели рассмотреть феномен дистанционной сексуальности, современной ипостасью которой является эксплицитный порнографический контент, сформировавший своего рода анклав в глобальной сети Интернет. Интернет-порнография не имеет строго определенной оценки вне контекста публичной морали. Ее влияние на личность и психику не рассматривается в рамках научного подхода. Ее экзистенциальная суть противоречива и понимание ее зависимо от философского подхода. Интернет-порнография — антропологический феномен, требующий дескрипции как таковой [7–9].

Речь пойдет о феномене «интернет-порнографии». Тема порнографии — провокационная как для философов, так и для теоретиков от медицины. Сложная, противоречивая, тема сложна еще и на уровне своего предмета, потому что определение порнографии в основном приходит из юриспруденции, правовых запретов, нравственных и моральных табу, что делает эту тему еще более запутанной и привлекательной.

Наша статья будет носить междисциплинарный характер. Ведь только междисциплинарный, даже трансдисциплинарный характер позволяет систематизировать знание, «что такое интернет-порнография?». Явление, которое следует держать под контролем, определяться цензурой, оцениваться современной моралью, или нечто иное. А чтобы осуществить все эти механизмы управления, нужно формировать знание о социально-философской, медико-биологической и психологической особенности этого феномена. Данным методологическим аспектам и будет посвящена наша статья.

Основная часть

Постмодернистская парадигма презентовала знание о пределах человека в социальных структурах. Изобличила многое в жизни человека, актуализировав смысл «запрещенных тем нет!». И потому пределом этого движения становится отказ от поиска сущности человеческой жизни, ее природы, так как эпоха модернити позволяет проецировать на мир множество идентичностей и ставит под сомнение нечто устойчивое, стабильное, константное.

Максимальное отчуждение человека от мира, от Другого и даже от себя говорит лишь о том, что у человека осталась только телесность, и именно через телесность человек пытается обрести свою субъективную целостность. Поэтому за последнее время появилось множество работ, посвященных исследованию проблем телесности, сексуальности и форм ее проявления (эротизм, порнография). Это работы А. Форель, И. Блох, М. Фуко, Ж. Бодриера и многих других. Большая часть работ ориентирована на рассмотрение биологических, медицинских, психологических вопросов феномена сексуальности и форм ее проявления. В меньшей степени представлены работы философского характера. Человеческую сексуальность нельзя понять только в медико-биологическом ключе, без учета социальной культуры, к которой принадлежит человек. Ведь именно сексуальность, будучи центральным проявлением телесности, является тем основанием, которое позволяет нам вернуть целостное представление о человеке, чтобы через систематизацию эксплицитных феноменов, получить знание об имплицитной природе человека.

И философия и медицина ищут ответ на вопрос о норме реакций, адаптивности и рациональности современного человека. Человека, который живет в обществе «мертвой социальности», поддерживаемой нарциссизмом и потреблением как атрибутами посткапиталистической формации. Речь идет об обществе, которое характеризуется тотальным господством капитала — непрерывное производство не только «потребительных стоимостей», услуг, информации, но и чувств, желаний, иллюзий, таким образом и человеческой души: «все является производством, производствами производств, действий и страстей; производствами регрессий, распределений и ограничений; производствами потреблений, наслаждений, тревог и страданий» [1].

Производство желания («все только ради вашего удовольствия», «только бы вы хотели») и желающие производства неисчислимых количеств разрушают трансцендентальную иллюзию предшествующей системы ценностей. «Блистаю-

щая» и одновременно «черная» истина капитализма — необходимость существования в режиме фантастического желания (Гваттари). Идеалом реальности становится поверхностная личность, которая «не копает глубоко», а зачастую и безразлична к миру. Поэтому на рубеже XX–XXI вв. появляется альтернативное коммуникативное гедонистическое пространство, пространство интернет-порнографии.

Как отмечается в статье О. В. Крыловой, «Сексуальность является основой воспроизводства человеческого рода. Сексуальность порождает половое влечение. Таким образом, если пол обнаруживает свою референцию в сексуальности, он автоматически отбрасывает нас в биологический дискурс. Но сегодня артикулируется другой дискурс — “чистейший дискурс капитала”» [2]. И, конечно же, интернет-порнография — это инструмент манипуляции природой человека и капитал, огромные потоки капитала.

Подменив агрессивный физический социум, глобальная сеть нивелировала ценз инициации и, согласно тезису Paul-Michel Foucault, исключила сегрегацию нормы. Ускользая от институциональной изоляции, делинквенты и безумные обрели искомый паритет в том полифоническом *vox rōpuli*, что, становясь *vox Dēi*, определяет свойства амбивалентности и гротеска сетевой реальности.

Подобно пилигримам прошлого, новые отверженные основали колонии анонимных интернет-сообществ, где отсутствуют как ценз нормы, так и императивы морали. Этот форум лишен оков этики и сокрыт от персонализированного порицания, тут обсуждение табуированной тематики принимает характер смешения паноптикума и конфессиональной практики, где маркетинг потакает эпатажу экзальтации и пытается преодолеть все возрастающую толерантность к чувственным стимулам — фрейдистским эросу и танатосу. Вызывая отторжение у апологетов традиционной эстетики, эксплицитный порнографический контент, плоды безумия и парафилии, живописания деликтов и девиаций, обрели тут прибежище, дом. Дождавшись вирусного распространения в эпоху социальных сетей, преодолевая барьеры языка и культуры, заключенные в *lingua franca* визуальных образов, они как равные вступают в парадигму новой нормы.

И. Дацкевич в статье «Феномен массовой культуры» пишет: «Рост популярности порнографии и упрощение ее составляющей, по сути, факты вполне взаимосвязанные. Чтобы понять это, стоит вспомнить, что язык порнографии есть (согласно Фрейду и Барту) древняя (доречевая) форма открытого выражения человеческих желаний. Прямота, с которой она осуществляется, есть,

прежде всего, естественная простота, идущая от природы. А природа не любит нюансы и метафоры, и предпочитает подавлять нас своим первобытным молчанием. Поэтому если происходящая из культуры «эротика подразумевает повествование» о сексуальности, то порнография — ее демонстрацию, которая не подчиняется развитию речевого акта, так как уже представляет собой нечто сказанное. В ней возможна только деструкция и высвобождение иррационального, поскольку давно уставший от культуры человеческий разум требует своего освобождения» [3].

Бодриар отмечает, что сексуальность растворяется не в сублимации, подавлении и морали, а в чем-то более сексуальном, чем секс: в порно. Порно — это гиперсексуальность, а гиперсексуальность — ровесница гиперреальности. По Бодриару — это потеря сцены жизни, ритуализации, «смысла выстроенного очаровательным образом» [4].

Автор указывает: «субъект не “порнографичен”, порнографична познавательная установка, в соответствии с которой он полностью лишается “тайны”» [4]. Именно с этих позиций возможен разговор о феномене порнографии в современной культуре как насилии нейтрализованного пола: «Мы оказались в оригинальной сексуальной ситуации изнасилования и насилия — “предсуицидальная” мужественность насилуется неудержимым женским оргазмом. Но это не просто инверсия исторического насилия, чинившегося над женщиной сексуальной властью мужчин. Насилие, о котором идет речь, означает нейтрализацию, понижение и падение маркированного термина системы вследствие вторжения термина немаркированного. Это не полнокровное, родовое насилие, а насилие устрашения, насилие нейтрального, насилие нулевой ступени» [4].

Как говорит Бодриар, в порнографии нет соблазна, а значит, нет смысла, нет тайны. Переступая условную границу пристойного, мы сталкиваемся с невозможностью отражения того, что за этой гранью. Образное восприятие не действует там, где нет необходимой для него недосказанности.

Подходя к объекту вплотную, мы лишаем себя той дистанции, без которой становится невозможной ни одна, даже самая примитивная, рефлексия.

С более доступной методологической аналитикой проблемы интернет-порнографии мы встречаемся в работе Филипа Зимбардо и Никиты Коломбе «Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности». Авторы данной работы детально анализируют отрицательное влияние порно на человека, особенно молодого. Вот только некоторые аспекты: «Просмотр порно распа-

ляет юношеское любопытство, затрагивая его когнитивную и чувственную сферу. При этом подросток теряет ощущение времени, когда все остальное становится второстепенным. Опираясь на теорию переноса возбуждения и связанного с ним полового поведения (теория была разработана психологами Дольфом Зильманом и Донном Бирманом), ученые предположили, что высокая степень возбуждения от просмотра порно приводит в итоге к импульсивному, беспокойному состоянию, которое вредит в ситуациях, требующих длительной концентрации внимания» [5].

Авторы отмечают и подтверждают выдвинутую ранее нами мысль: онлайн-порно — это рынок, поставляющий виртуальное наслаждение [5]. И далее мы рассмотрим аналитику локусов презентации интернет-порнографии, «где каждый может выбрать для себя то, что ему нужно» [6].

Локусы презентации. Анализ сексуальных предпочтений и их девиантных форм в контексте интернет-коммуникации представляется предпочтительным в двух локусах, соответствующих точкам соприкосновения пользователя с демонстрацией сексуальности в глобальной сети, его фасаду и изнанке.

Первый представлен коммерчески ориентированными интернет-ресурсами, специализирующимися на демонстрации порнографического видео-контента, использующими как профессиональные, так и любительские видеоматериалы, с их предварительной модерацией, исключающей материалы, не предполагающие демонстрацию обнаженной натуры, оказывающие на большинство посетителей отталкивающее впечатление либо законодательно запрещенные к распространению. Основными направлениями анализа в данном локусе являются: выявление стилистических особенностей современного порнографического контента, его жанровая дескрипция и систематизация на основании характера сексуального стимула, в нем заключенного [7–9].

Второй — массовыми текстовыми обсуждениями в анонимных интернет-сообществах, где модерация осуществляется уже после факта публикации сообщения и исключает из обсуждения лишь законодательно запрещенный контент. Анализ в данном локусе проливает свет на интроспективные аспекты тех или иных форм девиантности.

Стилистический анализ. Общие стилистические тенденции профессиональных порнографических материалов относятся к характеристикам освещения и используемой цветовой схеме, интерьеру и декорациями, подбору актеров и их ролям, ракурсам и планам съемки, порядку и продолжительности сцен и сюжету. Данный подход

использован также в работе В. В. Чугунова и А. Н. Столяренко в отношении лиц, страдающих интернет-аддикцией [13].

Современные порнографические материалы профессионального производства характеризуются отходом от использования теплых цветовых схем и высокой контрастности изображения при заниженных параметрах яркости, что усиливает естественные затемнения и делает практически неразличимыми подробности коитальной физиологии, акцентируя при этом внимание на волосяном покрове генитальной области, естественных очертаниях фигуры, мимике и пантомимике актеров. На данный момент в производстве порнографического контента используются по преимуществу холодные цветовые схемы при сниженной контрастности, повышенной яркости изображения, снятые при бестеневом освещении, что создает акцент на анатомических особенностях строения гениталий и физиологии акта копуляции.

Кардинальные изменения коснулись интерьера и декораций. Изжиты особняки и яхты. Викторианские альковы уступили место скромному ложу, *art déco* золоченых гарнитуров замещен утилитарным минимализмом операционной — ничто более не отвлечет зрителя от созерцания физиологии и техники совокупления. Как и подобает оперируемым, актеры избавлены от украшений, их тела выбриты, а волосы убраны. Из театральной пьесы порнография превратилась в хронику в духе анатомического театра. Призрак представления все же нашел пристанище в жанрах, где сексуальный стимул заключается в эмоциональной коннотации и контексте соития, там же можно наблюдать и былую роскошь облачений и интерьеров, — с тем лишь отличием, что их контраст с незащищенностью наготы служит унижению, а не возвышает.

Паритетная демонстрация мужского и женского сексуального поведения в рамках одного видеоматериала сменилась узостью жанровых специализаций, в подавляющем своем большинстве изображающих гендерные проявления сексуальности отдельно. В порнографической продукции, изображающей традиционные формы распределения доминантной и субмиссивной ролей, речь идет о выходе деперсонифицированного мужчины за границы кадра, замены его фаллосом, созерцание которого не подразумевает эмпатического вчувствования. Между тем, концепция соответствия пола и сексуальной роли более не довлеет над режиссерским замыслом, — множатся жанры, основанные на инверсии моделей сексуального поведения [9; 12]. Основной тенденцией тут выступает избыточно экспрессивная демонстрация субмиссивного, а для

ряда жанров — виктимного поведения при деперсонификации доминантного.

Ракурсы и планы съемки претерпели переход от обилия общих планов, подчеркивающих особенности позы и пантомимики актеров, к крупным планам, демонстрирующим генитальные контакты. В современных порнографических материалах общий план используется в качестве коротких фрагментов, чаще только для перемены позы, в которой осуществляется коитус, а также подчеркивая пантомимику и сокращения скелетной мускулатуры при оргазме. Пренебрегая кинематографичностью, но в угоду эмфатике, режиссеры все чаще используют прием вертикального разделения экрана (*split screen*), синхронно демонстрируя крупные планы генитального контакта в правой части экрана и мимики актера — в левой.

С переходом от модели коммерческого распространения на носителях к свободной демонстрации продолжительность порнографического видео значительно сократилась. Теперь зритель не требует полноценные 90 мин, традиционно предоставляемые в формате *video home system* (VHS). Прежняя антологическая структура, предполагающая деление на эпизоды, где сменялись декорации и, нередко, актерский состав, утратила свою основную цель — внесение динамики в излишне продолжительный формат. Порнография стала короткометражной — она, как правило, состоит из единственного эпизода, а количество сцен не превышает полдюжины. Ряд жанров реализован в одной сцене и даже в одном кадре.

С нивелированием деления на эпизоды сюжетный нарратив — ранее неотъемлемый элемент полнометражных порнографических видеоматериалов, редуцирован до минимума. Имея символическое значение, он иногда представлен в виде краткой интродукции, сосредоточенной на обозначении контекста сексуального поведения. Даже в жанрах, центрированных на эмоциональной коннотации сексуального поведения, таковой зачастую замещен символизмом интерьера и декораций, вербальной экспрессией и атрибутами облачения актеров.

Отдельно тут следует кратко упомянуть о явлении особого рода — порнографическом фольклоре — результате распространения портативных устройств, предполагающих возможность видеозаписи. Как и подобает фольклору, данный вид порнографических материалов отражает бытовые сцены, он лишен изысков режиссуры и монтажа и представлен короткометражными видеозаписями низкого качества.

Резюмируя изложенное, в качестве центральных тенденций трансформации стилистики порнографических видеоматериалов профессио-

нального производства следует указать следующие: смещение акцента с эстетико-эмотивной составляющей коитуса на демонстрацию его анатомо-физиологических подробностей; ослабление роли обозначения контекста и эмоциональной коннотации сексуального поведения; разделение гендерных проявлений сексуальности, нивелирование принципиальности соответствия пола и роли, отправляемой в рамках сексуального поведения [9; 11].

Изживая эротизм, порнография XXI в. приобретает собственную прагматическую стилистику. Спустя век, данная сфера искусства, следуя общей тенденции отвержения александрийского стиля, отказалась от романтического натурализма, став авангардом — искусством для подготовленного зрителя, копуляцией для тех, кто проповедует копуляцию, супрематизмом, где эротизм — есть градус вклинения цилиндра в тор [10].

Разнородность жанров порнографических материалов, противопоставленная примату соития, имеет в своей основе вариабельность путей достижения эмоционального вовлечения зрителя в представление способов обрушить четвертую стену (Дени Дидро) и, в духе постмодернистского нарратива, возвести его на сцену, сделав одним из персонажей прагматичного действия [8; 12].

Под такими путями следует понимать эксплуатацию психологических (эмоциональное вовлечение), психофизиологических (принцип доминанты) и психопатологических (парабулическая активность) основ реализации сексуальности в механизмах потенцирования сексуального стимула, что также нашло подтверждение в контингенте лиц, страдающих поведенческими аддикциями [13]. Среди них:

— апелляция к опыту — использование архетипических образов и контекстов представления, находящих ассоциативное отражение в архиве реального или фантастического опыта зрителя. Обыгрывая бытовые ситуации с участием архетипических персонажей в рутинных контекстах, автор визуализирует эмоционально значимые паттерны воспоминаний. В обращении к воспоминаниям периода пубертата, где стерты границы реального и фантастического, а рефлексии, ведущей к самоцензуре, еще не существует, созданы извечные клише сюжетов и персонажей порнографии — школьная и медицинская атрибутика, фигуры приходящего учителя и молодой сиделки, которая присматривает за подростком в отсутствие взрослых.

Специфическим вариантом данного механизма является эксплуатация фетишизма — демонстрация образов, не имеющих прямого сексуального символизма, но индивидуально ассоциируемых с сексуальностью за счет их роли в станов-

лении личных представлений. Тем не менее некоторые варианты фетишизма столь распространены, что их предметы приобрели сексуальную коннотацию (“sex appeal”);

— фрустрация — эксплуатация эмоционального отсвета на невозможность разрешения сексуального возбуждения, влекущего за собой нарастание интенсивности возбуждения, направленного на преодоление таких обстоятельств. Данный механизм реализован в практике сценического обнажения, где строгость поведенческих ограничений, навязываемых зрителю, противопоставлена демонстрации обнаженной натуры (“strip”) и провокативного поведения (“tease”).

Литературное описание чувственности, выполняющей механизм фрустрации, пусть и в высшем ключе, дает нам в романе «Венера в мехах» Леопольд фон Захер-Мазох: *«Я представляю себе фаворита прекрасной деспотической властительницы, наносящей рабу удары хлыстом, когда устанет целовать его, а он тем безумнее любит ее, чем больше она топчет его ногами...»*

Сущность демонстрируемых сексуальных практик заключается в формировании психологической дистанции между участниками в контексте сексуального поведения, направленного на достижение субмиссивным субъектом состояния фрустрации. При этом паттерны физического насилия и вербального унижения, присущие практикам такого рода и нередко принимаемые за их самоцель, играют лишь роль инструментов ролевого позиционирования;

— табу-парадокс (парадокс вторичного (приобретенного) отвращения) — эксплуатация феномена парадоксального усиления возбуждения при нарушении морально-этических табу, реализации действий, ассоциированных в обычных условиях с чувством стыда.

Подчиняясь принципу доминанты (А. А. Ухтомский), интенсивные эмоциональные переживания, связанные с нарушением табу, направленные в обычных условиях на торможение мотивации реализуемых действий, оказывают парадоксально подкрепляющий эффект на сексуальное возбуждение. Данный механизм эксплуатирует девиантные волевые паттерны, встречающиеся, впрочем, повсеместно в пределах нормы, среди таковых: нарушение норм приватности и приличия (фроттеризм, вуайеризм и эксгибиционизм), нарушение обрядовых табу (танатофилия), нарушение гендерной роли (трансверсизм, аутогинофилия) и пр.;

— био-парадокс (парадокс первичного (врожденного) отвращения) — эксплуатация феномена парадоксального усиления возбуждения при нарушении выработанных эволюционно инстинктивных запретов, реализации действий, ассоции-

рованных в общей популяции с чувством отвращения. Являясь маркером нарушения волевой сферы, контент, эксплуатирующий данный механизм, в качестве целевой аудитории полагает лиц с парабулической активностью — первертов.

Среди спектра апелляций данного механизма: зоофилия (отвращение к преодолению межвидового барьера), педофилия и геронтофилия (отвращение в отношении лиц, пребывающих вне границ репродуктивного возраста), апотемнофилия (отвращение в связи с риском наследования дефектных признаков), некро- и экскрементофилии (отвращение в связи с риском контаминации), маргинальные формы садизма (отвращение в связи с выходом за пределы внутривидового уровня агрессии) и мазохизма (отвращение к аутодеструкции), инцест (отвращение к имбридингу).

Заключение

Вопрос современности, почему человека привлекает порнография, остается актуальным в эпоху тотальной симуляции. Порнография представляет собой чрезвычайный механизм, поскольку в купе с фантазией позволяет успешно «обвести вокруг пальца» собственные инстинкты, создается иллюзия успешной половой стратегии — видимость секса. И, как скажет Ж. Бодриар в своей работе «Соблазн», порнография — это симуляция, сублимация сублимации... Мы погрязли в этой либерализации, которая не что иное, как всепоглощающее разрастание непристойности. Потаенному недолго наслаждаться запретом — в конце концов, до всего докопаются, все будет извлечено на свет, предано огласке и досмотру. Реальное растет, реальное ширится — в один прекрасный день вся вселенная станет реальностью, реальное вселенским, и это будет смерть [4].

Порнография несет в себе избыток реальности, пустое производство природы человека, а значит, и «смерть человека». Вопрос о вреде (пользе?) порнографии для природы и здоровья человека не описан медициной. И мы даже не будем пытаться отвечать на этот риторический вопрос. А зафиксируем факт парадигмальной картины современности: прагматическая стилистика порнографии обслуживает современную систему потребления (производится все: и вещи, и деньги, и тело, и сексуальность). Потребление порождает моду. В системе общего потребления мода начинает управлять потребностями индивида, а в основе потребностей только удовольствие (поверхностная личность, которая «не копает глубоко», а зачастую и безразлична к миру).

Ключові слова: сексуальність, порнографія, комунікація, гедонізм.

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. Москва: Ad Marginem, 1999. URL: <http://timtaller.tumblr.com/post/>

2. Крылова О. В. Пределы сексуальности в постмодернизме. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/predely-seksualnosti-v-postmodernizme>

3. Дацкевич И. Феномен массовой культуры. URL: <http://polutona.ru/books/datskevich-fenomen-p1.pdf>

4. Бодриар Ж. Соблазн / пер. с франц. А. Гараджи. Москва: Ad Marginem, 2000. 319 с.

5. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности / пер. с англ. С. Чулкова. Москва: Альпина Паблишер, 2017. С. 18.

6. Бодриар Ж. Фатальные стратегии / пер. с франц. А. Качалова. Москва: Издательский дом «РИПОЛ-Классик», 2017. 278 с.

7. Эротическое воображение, Порнография. Полный справочник сексопатолога / О. Д. Абрамович и др.; под ред. Ю. Ю. Елисеева. Москва: Эксмо, 2006. 576 с.

8. Alexy, Eileen M., Ann W. Burgess, Robert A. Prentky. Pornography Use as a Risk Marker for an Aggressive Pattern of Behavior Among Sexually Reactive Children and Adolescents. *Journal of the American Psychiatric Nurses Association* 2009. Vol. 14 (6). P. 442–453.

9. Hill, Judith M. Pornography and degradation. *Hypatia: A Journal of Feminist Philosophy*. Wiley. June 1987. № 2 (2). P. 39–54.

10. MacKinnon, Catharine A. (1984). Francis Biddle's sister: pornography, civil rights, and speech. *Feminism Unmodified: Discourses on Life and Law*. Harvard University Press. 1987. P. 163–197.

11. MacKinnon, Catharine A. Sexuality, pornography, and method: Pleasure under Patriarchy / Ethics. University of Chicago Press. January 1989. Vol. 99 (2). P. 314–346.

12. Tucker, Scott. Gender, fucking, and utopia: an essay in response to John Stoltenberg's Refusing to Be a Man. *Social Text*. Duke University Press via JSTOR. 1990. Vol. 27 (27). P. 3–34.

13. Чугунов В. В., Городокин А. Д., Столяренко А. Н. Клинико-стилистический анализ стимулов эротической экстазии и мотивационной структуры отклоняющегося сексуального поведения при интернет-зависимости. *Мужское здоровье*. 2018. № 1 [preprint].

Поступила в редакцию 07.02.2018

Рецензент д-р мед. наук, проф. К. В. Аймедов,
дата рецензии 22.02.2018